

И тут Борис гибнет двукратно, в шатре пробитый сулицей и затем пораженный мечом перед шатром. Рисовальщик, решившись объединить все действия в одной сцене, представил убийство перед шатром, в основном следуя тексту Нестора. Последний, вопреки мнению Э. С. Смирновой, прекрасно знал сюжет о верном слуге, но не отметил только его имени. Его сохранили и летопись, и анонимное Сказание. Рисовальщику, не чуждому древнерусской литературе, а в особенности проникавших в изобразительное искусство агиографических мотивов, оно было хорошо известно. Итак, миниатюра объяснима на основании текста Нестора. Однако, принимая во внимание надпись на этом клейме («Убиша Бориса, потом Георгию отсекоша главу»), следует заключить, что в основном сцена обобщает изложение Сказания, так как об отсечении головы Георгию Нестор не упоминает. Но, пожалуй, происхождение этой композиции проще. Иконный мастер мог располагать уже более приспособленным для его труда источником — не литературным, но изобразительным. В пользу этого говорят две миниатюры Лихачевского сборника. На первой на фоне шатра два воина пронзают копьями Бориса, рядом воин с мечом, у ног которого двое отроков на коленях. На следующем рисунке воин с мечом, у ног его отрок с отрубленной головой. Эту миниатюру сопровождает (в этой серии единственная) пояснительная надпись. — «Георгию отсекоша главу».⁶⁰ Итак, весьма правдоподобно, что иконный мастер, имея среди своих образцов лицевое житие и располагая ограниченным числом клейм, синтезировал содержание обеих миниатюр в одну сцену, как бы оговаривая это в надписи («потом»)⁶¹.

Сходно следует толковать и сцену убийства Глеба. Все известные тексты говорят, что Глеб погиб от руки своего повара, исполнявшего приказ Святополковых воев. На клейме же Коломенской иконы Глеб убивает один из воинов.⁶² Э. С. Смирнова делает из этого вывод об отличной редакции описания смерти Глеба в древней версии Жития. Но можно найти более простое объяснение этой композиции. В основном она следует версии Сказания, и необходимо подчеркнуть, что, представляя воинов Святополка в насаде Глеба, согласно тексту «начаша скакати зълии они в лодию его обнажены меча имуще в руках своих»,⁶³ эта композиция гораздо ближе изложению Сказания, чем соответствующая миниатюра Сказания в Сильвестровском, Уваровском и Лихачевском сборниках. В Сильвестровском, л. 132 об., и Уваровском, л. 36, списках в одной лодке изобра-

⁶⁰ Н. П. Лихачев. Лицевое житие, рис. 7 и 8.

⁶¹ Делать на основании отсутствия той или иной сцены на клеймах житийной иконы какие-либо выводы о «древнейшем тексте», «о различиях в текстах, легших в основу этих серий» (ср.: Э. С. Смирнова. Отражение..., стр. 316—317), нельзя, ведь иконный мастер должен был поместить всю серию на 16 (максимум 20) клеймах. Поэтому он и «сгущал» композиции, пропускал некоторые сцены, пренебрегал хронологической последовательностью. В этом отношении поучительно изображение на правом поле Коломенской иконы — четвертое клеймо сверху. Согласно трем предшествовавшим миниатюрам: 1) Погребение Бориса в Вышгороде; 2) Убийство Глеба; 3) Положение Глеба «между 2 кладами» — и тексту следовало бы ожидать изображения перенесения Глеба в Вышгород. И так можно бы толковать эту сцену на клейме, если бы не две связанные между собой подробности: 1) надпись «Перенесение мощем святомученика Христова Бориса и Глеба»; 2) на рисунке изображены 2 храма, один из которых несколько отодвинут на задний план. Из них явствует, что сцена имеет в виду одно из трех перенесений из старой в новую церковь, описанных уже в Сказании о чудесах. Это знаменательно, если учесть, что все остальные клейма Коломенской серии не выходят за пределы Сказания о страстях.

⁶² Снимок клейма отдельно см.: В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог, т. I, илл. 156.

⁶³ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 40; С. А. Бугославский. Памятки..., стр. 83.